

были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. — Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие» (I, 368, 369).

Дерзновенная самобытность русского писателя очевидна.

* * *

Ко времени создания «Путешествия» Радищев убедился, что, несмотря на Декларацию независимости и республиканские конституции, рабы так и не стали свободными и полноправными гражданами нового государства.

Русский писатель теперь уже не знает общества, в котором бы «нравы и обычаи» были «непротивны закону <...>. Все известные нам, многими наполнены во нравах и обычаях, законах и добродетелях, противоречиями. И от того трудно становится, исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся в совершенной противоположности» (I, 292).

Радищев отказывается назвать «блаженною» заокеанскую республику, «где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи неимеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова» (I, 317).

Противники рабства в Америке, в том числе и Т. Пейн, и Франклин, предпринимали отчаянные усилия к освобождению негров. 1 марта 1780 г. конгресс штата Пенсильвания принял закон о постепенном освобождении рабов. Закон этот стал первым в Америке законодательным актом такого рода. В написанной Пейном преамбуле говорится, что своим бедственным положением негры в Америке обязаны королям Великобритании, санкционировавшим рабство. Негры поставлены в условия, когда у них нет «разумных побуждений служить обществу»²⁴.

Программу постепенной отмены рабства в России Радищев приветствовал бы всей душой. «Искренний друг» Путешественника, подобно Пейну, Франклину и их американским единомышленникам, «ведая, что вышшая власть недостаточна в силах своих, на претворение мнений мгновенно, начертал путь повременным законоположениям, к постепенному освобождению земледельцов в России» (I, 322).

Но если в Америке в части северных штатов подобные проекты, приобретая силу закона, действительно в какой-то мере претворялись в жизнь, то в России, как трезво и горько констатирует Радищев, они могут быть всерьез предложены лишь «гражданином будущих времен». А пока не стоит «заниматься тем, что несуществует», — горько заключает путешественник (I, 323).

Для Радищева наиболее желанным было бы мирное разрешение болезненных для его родины противоречий. Истинные друзья отечества, как пишет он в «Спаской полести», «не возмутят <...> гражданского покоя безвременно, и без пользы» (I, 253). В «Житии Федора Васильевича Ушакова» писатель восхищается англичанами, «кои <...> и ныне нередко за величайшую честь себе вменяют, противоборствовать державной власти, и оную побеждать законом» (I, 179).

И как было бы хорошо, если бы «верхи», повинувшись тем же человеколюбивым чувствам, которые движут им самим, возвестили крепостным «о премене их жребия» (I, 321). Хотилковский «Проект в будущем» — это мечта, с которыми писатель с душевной болью расстался еще, вероятно, до создания оды «Вольность».

В «Путешествии» Радищева нет никаких утопических иллюзий относительно того, что собственники добровольно согласятся на значитель-

²⁴ Paine Th. The Complete Writings, v. II, p. 22. Ряд северных штатов последовал примеру Пенсильвании и утвердил специальные законы о постепенной отмене рабства — Массачусетс в 1780 г., Коннектикут и Род-Айленд в 1784 г.